
ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ЗАГРЕБИН (31.10.1942—9.10.2004)

(Некролог)

9 октября 2004 г. в самом расцвете жизненных и творческих сил, среди множества начатых и незавершенных дел, можно сказать, «на ходу», внезапно, а потому особенно трагично ушел из жизни замечательный ученый-славист, палеограф, археограф, хранитель, «рукописник» — Вячеслав Михайлович Загребин, заведующий Сектором древнерусских фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Есть люди, чей душевный склад с юности совпадает с характером избранной профессии, и она воплощается и «очеловечивается» в личности исследователя. Таким был Вячеслав Михайлович. Его смерть болью и горечью отозвалась в душах российских и зарубежных филологов, историков, искусствоведов, музыковедов, связавших свою судьбу с изучением славянских средневековых рукописей. Всей своей разносторонней деятельностью и незаурядными человеческими качествами Вячеслав Михайлович олицетворял собой лучшие традиции «хранителей древностей» Российской национальной (в прошлом Публичной) библиотеки.

В. М. Загребин родился в военное лихолетье, 31 октября 1942 г., в селе Шуйском Междуреченского района Вологодской области. Севернорусские корни определили его неторопливый спокойный характер, отсутствие суетности и в работе, и в жизни и удивительную, редкостную скромность. С юности в нем проявилась тяга к гуманитарному знанию, к изучению языков, к русской истории, хотя путь его к профессии, как и у многих людей послевоенного полуголодного поколения, был непростым. Жизнь диктовала свои правила, и после окончания техникума и службы в рядах Советской Армии В. М. Загребин в 1964 г. поступил на филологический факультет Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) государственного университета, который блестяще окончил в 1969 г. Он хотел изучать немецкий язык, но сложилось так, что В. М. Загребин стал студентом сербохорватского отделения кафедры славянской филологии, где сразу же был замечен как талантливый и трудолюбивый студент. В 1960-е гг. эта кафедра выгодно отличалась от других внимательной, почти отеческой заботой о студентах, имела возможность посылать их на языковую практику в страны изучаемого языка, что, конечно же, расширяло горизонты знаний славянской культуры, ее истории, живого человеческого общения. Одним из его учителей был проф. П. А. Дмитриев, много сделавший для того, чтобы кафедра славянской филологии стала для студентов настоящим домом. Студентом В. М. стал заниматься исторической акцентологией сербских средневековых рукописей под руководством проф. кафедры русского языка В. В. Колосова. Эта одна из сложнейших областей исторической славистики стала для В. М. основной сферой его научного интереса. Ей посвящены многочисленные публикации В. М., давно вошедшие в основной фонд палеославистики, и написанная более

О лет назад фундаментальная работа «Диакритика средневековых сербских рукописей: периодизация, просодическая характеристика, генезис» — так и не защищенная в силу разных причин его кандидатская диссертация. Многие десятилетия связывали В. М. с кафедрой русского языка филологического факультета СПбГУ, где он воспитал целую плеяду филологов-«древников», читая в течение более 25 лет спецкурс по славяно-русской палеографии. Этот курс передал ему Николай Николаевич Розов, много лет читавший его студентам университета. До спецкурса В. М. по палеографии ежегодно начиналась подготовка лингвистов, литературоведов и историков, желающих специализироваться в области исторической филологии. Когда несколько лет назад на факультете удалось организовать дополнительную специализацию по палеославистике, В. М. стал основным преподавателем специализации. На родной ему кафедре славянской филологии в течение последних лет он вел курс по истории сербохорватского языка, руководил курсовыми и дипломными работами. Он относился к студентам и аспирантам с каким-то особым нежным чувством, любил их, всегда был готов помочь советом. Его педагогический дар и человеческое обаяние, артистизм и легкий юмор пленяли сразу и навсегда. Абсолютно равнодушный к какой бы то ни было карьере, к степеням и званиям, он и в людях ценил прежде всего то, чем в полной мере обладал сам, — преданность делу и мастерство. Он готов был щедро поделиться своим огромным опытом не только с маститым ученым, но и с делающим первые шаги в науке студентом. Своей легкой, летящей походкой, в знаменитом «загребинском» свитере он подходил в читальном зале рукописного отдела то к одному читателю, то к другому, чтобы дать консультацию, что-то посоветовать, принести нужный справочник, а то и просто пошутить, поднять настроение, сказать комплимент. Он был всегда окружен молодежью и древними рукописями — и в этом был залог его душевной молодости. В профессии для него не было неинтересных или малозначущих тем: историческая фонетика южнославянских языков, эволюция надстрочных знаков в славянских рукописях, филиграноведение, история славянских азбук, названия укр славянского алфавита, создание глаголицы, миграция рукописей разных нижних центров, даже, казалось бы, далекие от сферы палеографии вопросы этногенеза славян — все было предметом его научного внимания. Но главное, В. М. обладал не столь уж часто встречающимися теперь качествами — исключительной научной честностью и уважением к традициям предшественников и читателей. Его усилиями были подготовлены сборник памяти В. А. Мошина и посмертное издание «Русской рукописной книги» Н. Н. Розова. Он ежегодно принимал участие в славистических конференциях кафедры славянской филологии памяти университетских учителей П. А. Дмитриева и Г. И. Софронова — выступал с докладами, руководил работой секций.

В своей исследовательской работе В. М. Загребин всегда избегал поспешных выводов, увлечения красивыми, но до конца не проверенными гипотезами. Когда Вячеслава Михайловича спрашивали, почему он не публикует то или иное наблюдение, он порой отвечал: «А зачем? В рукописях и так все есть». Главной воей задачей он видел сохранение для грядущих поколений самих древнерусских рукописных книг, находящихся в РНБ, а также их научное описание.

Перу В. М. Загребина принадлежат описания многих сотен рукописей. Он был крупнейшим знатоком в первую очередь ранних, пергаменных манускриптов, чувствовал их буквально «кончиками пальцев». Для «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» (М., 1984) он подготовил описания всех южнославянских рукописных книг XI—XIII вв. (всего 4 описания). В первый выпуск этого же «Сводного каталога», посвященный XIV в. (М., 2002), вошло 11 описаний, принадлежащих В. М. Загребину. Кроме того, В. М. являлся и одним из редакторов этого издания.

Пожалуй, любимым «детисчем» В. М. Загребина было описание одного из самых интересных собраний рукописных книг — знаменитой коллекции М. П. Погодина. Вместе с О. В. Твороговым он был редактором первых двух выпусков каталога «Рукописные книги собрания М. П. Погодина», увидевших свет в 1988 и 1992 гг., подготовил для них 77 описаний, а также составил указатели филиграней. Подержать в руках тщательно отредактированный им, полностью готовый к печати и находящийся в типографии третий выпуск каталога ему уже не довелось... Долгом учеников и коллег перед памятью Вячеслава Михайловича является завершение этого многолетнего проекта.

Еще одна знаменитая коллекция рукописных книг — собрание Соловецкого монастыря — не была описана полностью в свое время, и В. М. Загребин совместно с Н. Н. Розовым подготовил машинописное описание рукописей, не вошедших в печатное описание (209 рукописей). Наконец, под руководством В. М. Загребина в конце 1980-х гг. была произведена полная инвентаризация древнерусских рукописных книг библиотеки, подготовлены инвентарные описания на все собрания.

В. М. был великолепным знатоком филиграней. Во втором издании «Текстологии» Д. С. Лихачева говорится: «Следует всячески поощрить инициативу сотрудника Рукописного отдела ГПБ В. М. Загребина, составившего несколько пособий для отыскания интересующих исследователей филиграней. Это „Свод изображений филигранны «Кувшинчик»“ (Л., 1975), „Свод изображений филигранны «Рука»“ (Л., 1976), „Свод изображений «Горы»“ (Л., 1977), в которых сгруппированы по характерным признакам соответствующие филигранны, извлеченные из всех известных альбомов. Три пособия, составленные В. М. Загребиным, позволяют более быстро находить нужную филигрань в известных работах Н. П. Лихачева» (С. 288). В. М. Загребин был очень внимательным и тщательным редактором. Под его редакцией вышли каталог «Издания кирил-

лической печати XV—XVII вв. (1494—1688 гг.) для южных славян и румын» (1979, совместно с Е. Э. Гранстрем), а также посвященный 100-летию со дня рождения В. А. Мошина сборник статей «Русь и южные славяне» (СПб., 1998).

Как хранитель, В. М. был образцом для подражания, и он щедро делился маленькими и большими секретами своего хранительского мастерства с коллегами (например, никогда не брать книгу с полки, не поставив на ее место «заместитель», не класть ключи от шкафов в карман и т. д.). Когда студенты, слушатели его спецкурса по палеографии, впервые приходили в рукописный отдел, он, прежде чем показать рукописи, просил их вымыть руки, а потом, проверив, говорил: «А теперь спрячьте их за спину». Конечно, это была шутка, но в ней — отношение к доверенным Хранителю сокровищам.

Всем памятна его неторопливость и осторожность относительно датировки или локализации той или иной рукописи, того или иного заключения. Зато уж мнению В. М. ценилось среди специалистов очень высоко, и его авторитет был непререкаем. Главным для В. М. был источник, который он изучал досконально, в мельчайших подробностях. И в этом залог того, что исследования В. М. никогда не устареют, потому что они основаны на самом тщательном анализе огромного фактического рукописного материала.

Основным его качеством, так сильно проявившимся в его профессиональной деятельности, была глубокая человеческая порядочность. Он работал с людьми и для людей, он любил жизнь во всех ее проявлениях, и люди отвечали ему любовью и уважением. Человек редкого личного обаяния, высокий, светловолосый, приветливо улыбающийся, всегда готовый к шутке, по-мальчишески быстрый несмотря на свои 60 лет (этой дате два года назад никто не хотел верить!), Вячеслав Михайлович навсегда слился с рукописным отделом РНБ. По каким бы делам мы ни приходили в Отдел, так или иначе мы приходили к Загребину. Он был Мастер, Хранитель в самом высоком значении этого слова. Подвижник, беззаветно и бескорыстно служивший своему делу. На таких людях держится земля. И наша профессия тоже.

Волею судьбы могила В. М. Загребина на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга соседствует с могилами двух других замечательных ученых-палеографов — академика Николая Петровича Лихачева и Ольги Петровны Лихачевой. А сам Вячеслав Михайлович теперь навеки вошел в пантеон самых крупных знатоков славяно-русского рукописного наследия.

Вечная ему память!

*А. Г. Бобров,
Т. В. Рождественская*